

будетъ конца». Символь говорить это о Царствѣ Христовомъ, а не о Церкви.

Провозглашеніемъ Царства Божія началось евангеліе, и первая Церковь еще жила въ тонахъ предвкушенія его полноты. Небесный Іерусалимъ, сходящій свыше, не нуждающійся въ земныхъ свѣтильникахъ, даже въ самомъ солнцѣ, но славою Божіей освѣщающій всѣхъ, еще стоялъ передъ ея взорами. Перейдя затѣмъ въ сумерки исторіи, плывя на корабль Церкви, мы забыли, что плывемъ къ какому-то концу, къ какому-то исполненію, что плывемъ къ Царству Божію; что плерома Церкви есть собственно плерома Царства.

Итакъ, религиозныхъ чаяній человѣчества не могутъ удовлетворить никакія реформы и реформации церквей, а также никакое недвижимое стояніе на камнѣ Петровомъ съ жестокимъ, монархическимъ, непогрѣшимымъ авторитетомъ іерархіи. Только на крыльяхъ пророческой благодати Духа, дышащаго въ мірѣ, гдѣ Онъ хочетъ, черезъ опытъ всѣхъ Церквей, черезъ историческій подвигъ всего культурнаго человѣчества, черезъ разсѣянный одинокій религиозный опытъ, даже черезъ опытъ всѣхъ религій, люди соединятся въ лонѣ Единой, воистину Вселенской Церкви, которая приведетъ ихъ къ порогу Царства Христова на землѣ. Тогда смутныя чаянія человѣчества и молитвенное устремленіе Церкви сольются воедино въ чудесномъ исполненіи.

А. Карташевъ

ВѢЧНЫЙ УСТОЙ

Приди: Ты сдѣлался нуждою моею, и сдѣлалъ, чтобы я нуждался въ Тебѣ...
(Изъ молитвы къ Духу Святому Симеона Новаго Богослова).

Когда происходитъ какое нибудь бѣдствіе, то, обыкновенно, ищутъ виновныхъ, потому-что въ ихъ существованіи никто не сомнѣвается. Случилось бѣдствіе — причинено многимъ горе, причиненъ ущербъ — значитъ есть какая-то воля, которая эту разруху произвела, а разъ есть воля, то должна быть и отвѣтственность. Уже давно наше сознаніе и правосознаніе самонадѣянно и убѣжденно провозглашаютъ принципъ отвѣтственности всего разумно-человѣческаго, часто, однако, закрывая глаза передъ тѣмъ, какъ жизнь сметааетъ всѣ законы и принципы, дѣлая многое «безотвѣтственнымъ», утверждая многое помимо человѣческой воли, — какъ непререкаемый фактъ. И развѣ можетъ быть найдена граница между сознательно-волевымъ и стихійно-предопредѣленнымъ?..

Голоса уличенія и обличенія умолкаютъ только передъ лицомъ явленія явно — стихійнаго. Передъ нимъ жизнь на мгновеніе какъ бы останавливается, запинается. Какая-то чужая воля врывается въ законмѣрность людской жизни и останавливаетъ

и путаетъ ея навичный бѣтъ. Ничего, кромѣ испуганнаго признанія не можетъ она къ себѣ вызывать.

Но есть бѣдствія, которыя лежатъ на грани человѣческой разрухи и стихійной катастрофы. Передъ такими событіями всѣ находятся въ смущеніи и отношеніе къ нимъ всегда двойственное.

Таковы всѣ рѣзкія и великія смѣны человѣческаго бытія: войны, революціи...

Съ одной стороны дѣйствующими лицами въ этихъ трагедіяхъ являются люди, обыкновенные и смертные, и къ нимъ приложимо страстное и пристрастное сужденіе человѣческое и человѣческой судь, но съ другой стороны, въ самомъ свершеніи, развертываніи, раскрытіи этихъ трагическихъ катастрофъ — появляется и утверждается нѣчто такое, — сверхчеловѣческое — что невольно заставляетъ сопричислить эти бѣдствія къ разряду стихійныхъ.

О подобныхъ событіяхъ можно спорить, можно бороться съ ними, стремиться противостоятъ, но можно и смиренно передъ ними склониться, можно ихъ просто принять.

Такова и русская революція. Чѣмъ дальше она развертывается, тѣмъ эта двойственность ея природы становится все яснѣе и яснѣе, причемъ соціально-человѣческіе процессы, вскипѣвшіе въ ней, явно ступшеваются передъ неисповѣдимымъ явленіемъ катастрофической смѣны временъ и эпохи. Объяснить русскую революцію очень легко. На основаніи этихъ немудреныхъ знаній нетрудно предсказать ея пути и завершенія. Вѣдь соціаль-

ные процессы, какъ и фізіологическіе, весьма закономѣрны и постоянны. Съ ви́шней стороны такъ или иначе кругъ революціонной законности замкнется. Революціонное половодіе рано или поздно спадетъ, оставивъ сушу въ раззореніи, но приблизительно въ прежнихъ очертаніяхъ. Тѣ, кто учитываютъ революцію лишь по фактамъ и смѣнамъ событій, понимаютъ ее какъ соціально-политическій процессъ, можетъ-быть когда-нибудь и увидятъ оправданными свои недалезоркія сужденія и чаянія; но главнаго имъ, конечно, въ будущемъ не увидѣтъ точно также, какъ и въ прошломъ это главное они не видали или проглядѣли.

Можно учитывать жизнь и всѣ ея событія — методомъ историческаго матеріализма, методомъ научнаго анализа, статистики, вообще — въ принципахъ раціоналистической данности. Такой учетъ жизни производится только на разстояніи, отступя отъ оцѣниваемаго отдѣльнаго момента жизни, все равно впередъ или назадъ. Вѣдь не даромъ говорятъ объ «исторической перспективѣ». Мгновенной, непосредственной, настоящей оцѣнки настоящаго, историческій методъ дать не можетъ. Учетъ историческій — мертвый; факты и событія учитываются имъ въ статической окаменѣлости. Исторія можетъ зафиксировать, что при такой-то битвѣ было столько-то убитыхъ, но какъ люди умирали, ибо въ разныя времена умираютъ по разному, съ различнымъ психическимъ состояніемъ — этого она зафиксировать не можетъ.

Но есть иной учетъ событій, и этотъ учетъ и создаетъ психическій строй всякой эпохи, ея куль-

турное обличіе. Каждое событіе въ себѣ самомъ содержитъ безусловную потенцію воздѣйствія, которая впечатляетъ своимъ свершеніемъ на человѣческую психику, все равно, будь то предвидѣнное, творимое событіе, или же случайное явленіе, лежащее внѣ человѣческой возможности и учета.

Событіе — есть опредѣленная форма, которая, какъ таковая и учитывается человѣческой психикой. Есть эпохи безформенныя, эпохи безформеннаго человѣческаго бытія, скудныя дѣйственными событіями, но есть вдохновенныя, чеканныя, когда всякій день и часъ — новыя смѣны жизненной активности, перебои героическаго, событія всегда организуютъ, объединяютъ человѣчество. Отсутствие ихъ порождаетъ психическую вялость, которая дѣйствуетъ разъединяюще. Въмѣсто организованнаго психическаго строя — появляются индивидуальныя, разобщенныя на строенія, противорѣчивыя, эгоцентрическія міровозрѣнія.

Вотъ этотъ психическій отвѣтъ на свершенія и событія жизни, отвѣтъ непосредственно близкій, лишенный всякой предвзятости и опредѣленной точки зрѣнія и можетъ быть противопоставленъ учету историческому. Закрѣпляется онъ съ трудомъ въ творчествѣ, въ записяхъ современниковъ, въ быту — и, обыкновенно, получаетъ свою оцѣнку и историко-культурную оформленность значительно позднѣе, долго спустя, когда нарождается новый психическій тонусъ слѣдующихъ поколѣній. Именно въ этомъ планѣ жизнепріятія и совершаются великія откровенія духа. Это самое драгоцѣнное изъ того,

чѣмъ обладаетъ всякій современникъ. Углубляясь только въ эту сферу непосредственнаго познанія жизни можно открыть и утвердить свою истину жизни, истину данной эпохи, истину данныхъ поколѣній, которая всегда глядится, то тускло, то ярко въ лицо единой правдѣ міра.

Но мы такъ отравлены началомъ метода, дисциплины, во всѣхъ прикосновеніяхъ къ жизни, что потеряли способность ея непосредственнаго пониманія. Такъ привыкли всѣ, убѣждены, что все должно разворачиваться въ закономерности и предвидѣнномъ порядкѣ, что только и смотреть назадъ, или впередъ, комбинируя, выводя одно изъ другого, — не видя, не слыша, не осязая только одного главнаго, того, что происходитъ, протекаетъ на глазахъ, передъ глазами. Но именно это — живое, настоящее всегда неожиданно и ново, а главное это то, что единственно истинно, потому что оно дѣйствительно есть, — мы сами его прожили, пережили.

Учитывая и оцѣнивая дѣйствительность въ мертвящихъ методахъ исторіи, считая дни и года въ механическомъ и абстрактномъ чередованіи фактовъ, не понимая событій, какъ живыхъ формъ откровенія и развитія жизненнаго процесса, — многие не улавливаютъ тѣ смѣны и надломы основнаго строя человѣческой психики, которые произошли въ наши дни, въ наши года, и которые наново утверждаютъ всѣ основы пониманія міра.

Всю форму, всю совокупность неумолимыхъ, трагическихъ событій революціи, совокупность окружающихъ ихъ психическаго пафоса и мощи, которые незримо перевели человѣческой духъ на со-

вершено иные пути пониманія — и можно назвать стихійнымъ существомъ революціи.

Это новое психическое существо нужно только принять, бороться съ нимъ и уличать его — бесполезно и безумно.

Обличіе Россіи послѣ революціи можетъ оказаться похожимъ на бывалое, но сущность будетъ иная, и горе тому, кто на радости увидать прежнія черты Россіи, не вслушается въ ея сердце, не взглянетъ въ ея нѣдра, гдѣ можетъ быть отнынѣ раскрыто новое содержаніе, цѣлительное не для нея одной, «Реставрація» Россіи окажется лишь мнимой и обманчивой...

Самое страшное въ стихійныхъ смѣнахъ человѣческаго бытія — это то, что онѣ совершаются иногда невидимо. Простымъ глазомъ ихъ не уловить. Зоркое и броское зрѣніе, приноровленное къ охватыванію поверхности, — недостаточно остро, чтобы вонзиться въ глубь процессовъ стихійныхъ. Въ одномъ случаѣ зрѣніе горизонтальное, въ другомъ должно быть вертикальнымъ. Прозрѣть толщу человѣкъ не можетъ. Но можно ее прослушать, уловить ея скрытые процессы слухомъ. Зрѣніе должно стать слухомъ. У кого нѣтъ слуха, тотъ и не увидитъ перемѣнъ скрытаго строя жизни. Кажется все по старому, а на самомъ дѣлѣ все новое. Лишенные слуха не могутъ слѣдить за перемѣной ритма, а что такое стихійные надломы, какъ не перемѣны ритмовъ и біеній міровой жизни, мірового сердца?..

Толкователи и прорицатели поверхностныхъ процессовъ могутъ очутиться въ странномъ положеніи: всѣ событія и явленія, которыя они учитывали,

могутъ обернуться именно такъ, какъ они этого хотѣли; могутъ совершить именно тѣ изгибы, которые были заранѣе начертаны на политическихъ и социологическихъ картахъ и схемахъ, но въ конечномъ итогѣ вся эта суета можетъ оказаться лишней, ибо она происходила на тонкомъ, верхнемъ слоѣ клокочущей земли. Послѣ затвердѣнія земли, расплавленной революціоннымъ огнемъ, на новой корѣ расположеніе всѣхъ путей и перепутій можетъ даже возстановиться, но сама поверхность, на которой все это бороздилось и вычислялось, вслѣдствіе глубинныхъ сдвиговъ, окажется вознесенной на совсѣмъ иной уровень, на новую высоту. И сомкнуться старымъ путямъ съ новыми, несмотря на ихъ одинаковое расположеніе, будетъ невысказаннымъ, ибо сдвигъ окажется проистекшимъ не въ планѣ поверхновости, а снизу — вверхъ.

Глаза человѣческой исторіи обыкновенно видятъ такъ: идутъ дни, протекаютъ десятилѣтія и вѣка, смѣняются и чередуются эпохи и культуры, то отрицая другъ друга, то необъяснимо и таинственно повторяя себя. Неизмѣнно плыветъ время; сглаживая въ своемъ теченіи всѣ грани перемѣнъ, влетая будущее въ прошлое. Какое это движеніе — по кругу, по спирали, или же человѣчество стремится по безконечно новой прямой — неизвѣстно. Опредѣляется какъ-будто только одно — преемственность, неразмыканіе основного движенія.

Возникновеніе такого представленія спаянности можетъ быть толковано тѣмъ, что пути духовнаго движенія человѣчества многочисленны и развертываются они въ различной быстротѣ и расположены

на разныхъ уровняхъ. Кромѣ того, распространеніе, признаніе, общій охватъ и установленіе каждой новой эпохи — совершаются постепенно. Время, болѣе или менѣе продолжительное, въ которое новыя формы и принципы бытія вѣдряются и укладываются въ сознаніи большинства — создаетъ подобіе существованія вводовъ и спадовъ, наростаній и заключеній между смежными эпохами, тогда, какъ въ существѣ онѣ надламываются круто и чередуются въ остротѣ и неожиданности. Одна эпоха набѣгаетъ на другую; одна оказывается на мѣстѣ другой. И утвержденіе ея наличія есть такое же открытіе, какъ открытіе любого изъ безчисленныхъ законовъ мірового механизма. Если открытіе сдѣлано однимъ, значитъ оно сдѣлано для всѣхъ; значитъ оно вообще сдѣлано, значитъ отмѣченъ новый этапъ въ пониманіи міра. Не важно, что многіе, можетъ быть, никогда объ этомъ открытіи и не узнаютъ; важно то, что безъ него дальнѣйшее познание міра невозможно. Все дѣло въ степени усвояемости открытія. Есть открытія великія, бьющія въ сознаніе, есть малыя, неощутимыя для массы.

Процессы открытія протекаютъ различно: иногда новая тайна раскрывается, потому что къ ней приводитъ логическая необходимость, по заранѣе сложившимся вычисленіямъ и умозаключеніямъ, иногда же неизвѣстное угадывается случайно, по вдохновенію, по наитію...

То же происходитъ и съ ощущеніемъ смѣны эпохъ. Неожиданно кто-то одинъ или нѣсколько начинаютъ говорить о чемъ-то непонятномъ для

другихъ. Все еще какъ будто подъ ногами незбылемо и твердо, но какіе-то люди утверждаютъ, что прежней почвы и былого упора уже нѣтъ. Когда это произошло — неизвѣстно, ибо человѣчество столько-же творить, обуславливаетъ собою культуру и эпоху, сколько подчиняется, приспособляется къ очереднымъ смѣнамъ и полосамъ стихійнаго бытія.

Нѣтъ, это не иносказаніе: нужно вѣрить, что есть времена, когда Небо дается человѣку, когда оно раскрывается для слѣпыхъ въ содроганіи сокровенныхъ своихъ силъ, въ насыщенности своего исконнаго бытія и тогда человѣчество ухватываетъ звѣздный летъ, строй и хоръ тверди и потомъ отдаетъ грядущимъ потомкамъ свои видѣнія и сны. Но замыкается звено, заключается срокъ и для новыхъ поколѣній, когда небо опять отлетаетъ далеко отъ земли и становится пустымъ — эти образы и пѣсни кажутся чужими и дикими...

Общеніе земли и неба навѣки стало утвержденіемъ въ символѣ Боговоплощенія, когда небо снизилось до самой земли, в плотную до Воплощенія, раскрылось и потомъ вознеслось. Когда Духъ сталъ плотью, родился въ Человѣкѣ, ступаль на землю, въ этомъ естествѣ училъ о тайнѣ неба, раскрылъ пути восхожденія и вознесся Человѣкомъ, въ образѣ міра сего.

Не являются ли всѣ позднѣйшія и дотолѣ бывшія исканія и прозрѣнія человѣчества — волнообразными касаніями земли и неба, только неизмѣри-

мо ослабленными, по сравненію съ единственнымъ чудомъ Богооткровенія?..

Въ огнѣ, въ горѣніи, въ озареніи познается Небо и этотъ огонь познанія низведенъ на землю; Онъ съ нами...

Кто можетъ оспаривать, что есть эпохи огненные, граненныя, и есть тусклыя, безформенныя? Кто не знаетъ, что есть дни и года, которые протекаютъ неуловимо и есть такія мгновенія въ жизни, которыя, пока жива память остаются вздыбленными въ ней и сторожатъ свою вѣчность, либо въ мщеніи, либо въ радости откровенія?

Развѣ не дѣлятся слова на звучащія, живыя, которые сами въ себѣ зачатіе и звонъ, а ихъ сочетанія — псалмы и молитвы, и на глухіе и мертвыя? Есть образы, созданныя людьми, въ которыхъ дѣйствительно запечатлѣнъ Духъ, образы — нездѣшныя видѣнія, и есть изображенія безсильныя, безкрылыя, немогущія взнестись выше рабства подражанія и поддѣлки.

Есть разница между живымъ органическимъ складомъ звуковъ въ пѣснѣ, гдѣ они сочтены между собой по таинственному закону тяготѣнія и равновѣсія, когда кажется, что пѣсенный ладъ, какъ форма въ себѣ существуетъ въ мірѣ и лишь открывается людьми — и случайно-надуманной, интервальной группировкой темъ, гдѣ сложное психически-волевое содержаніе пѣсни, сведено въ симметричную, короткую звуковую формулу.

Есть дѣянія, открытія и творенія людей и народовъ, которыя поютъ въ «мірскомъ бреду» и будутъ пѣть до скончанія жизни, которыя «не исслѣютъ

и въ аду». Но бываютъ времена, когда люди внезапно теряютъ, забываютъ свой даръ жизненной воли, даръ преодоленія матеріала, даръ пресуществленія времени и пространства въ иныя дивныя формы бытія. Меркнутъ глаза, замыкается слухъ, а вмѣстѣ съ этимъ отмираютъ и всѣ дары Духа. Наступаетъ ночь, мертвая темь...

...И ночь въ звѣздахъ нѣма была.

Слишкомъ много русскую революцію учитываютъ какъ событіе внѣшнее, соціально-политическое, какъ дѣяніе человѣческихъ рукъ и процессовъ и не видятъ ее какъ свершеніе культурное, какъ стихійный сдвигъ основныхъ формъ бытія. Мало связываютъ ее духовно съ недавними годами мировой войны.

Съ жуткимъ тупосердечіемъ и хладнокровіемъ пережила Европа эту войну. Нужно было много лѣтъ исказать и приспособлять всю культуру, чтобы она выдержала подобное испытаніе и не взорвалась. Европейская культура — выдержала, показавъ свою эластичность, умѣніе отодвигать вглубь проблемы и завѣты духа. Все духовное на время послушно отступило назадъ и одѣлось въ защитный цвѣтъ нейтралитета или молчанія. Однако подобное предательство пройти даромъ не могло. Удержавшись съ внѣшней стороны, европейская культура неминуемо начинаетъ разлагаться изнутри. Ни въ нее, ни у ней вѣры больше нѣтъ.

Не выдержала только Россія. Когда-то Горькій, въ началѣ революціи, писалъ, что Россіи легче, чѣмъ кому бы то ни было, опрокинуть буржуазный, капиталистическій строй, такъ какъ она въ немъ не искушена, такъ какъ онъ въ ней не пустилъ столь крѣпкіе корни, какъ въ Европѣ.

Если основами «капиталистическаго» строя считать право собственности и личную инициативу, то это разсужденіе оказывается наивнымъ, ибо начала эти познаются отъ рожденія и настолько органичны, что для ихъ усвоенія и внѣдренія не нужно никакихъ сложныхъ и развитыхъ формъ. Въ то-же время мысль Горькаго въ отношеніи обще-культурномъ — правильна и мудра. Европа была болѣе или менѣе крѣпко спаяна своей культурой во всѣхъ слояхъ общества и народа. Въ Россіи же европейская культура коснулась верховъ. Ту оборонительно-нейтральную идеологию войны, которую выработало европейское культурное сознание, оно могло довольно благополучно навязать всѣмъ. Въ Россіи это оказалось невозможнымъ. Война обострила, раздвинула издавна существующую трещину между верхнимъ слоемъ интеллигенціи и толщей народа; — разверзлась бездна, которая поглотила былую Россію.

Процессы расслаиванія верховъ и низовъ — давнишніе. Верхи культуры давно отлетѣли въ небо, тусклое и пустое, и замкнулись въ «чистую» духовность. Духъ безъ плоти — становится призракомъ. Духовность стала мечтательностью и вмѣстѣ съ этимъ потеряла форму жизни и плоти. Она стала безформенной и уродливой, въ самоупреждаю-

щейся изысканности и отвлеченности. Утративъ земную основу, отлетѣвъ отъ уровней жизни — она вынуждена была выявляться иносказаніемъ и символомъ. Символизмъ — всегда въ корнѣ своемъ рационалистиченъ. Подлинная мистика — лишь въ реализмѣ. А чувство реальнаго и было утрачено, когда духъ оставилъ плоть и сталъ тѣнью.

Тѣнь рѣдко бываетъ видѣнъ, чаще всего она оборотень. Въ данномъ случаѣ символизмъ, ложная мистика и позитивная интуиція — были лишь новыми оборотнями вѣчнаго искусителя человѣческаго — рационализма. Страшнѣе всего поддѣлки и фальсификаты. Отдаваясь спиритуализму, духовная культура еще дальше отталкивалась отъ подлинной вѣры, нежели въ эпохи явнаго отрицанія и матеріализма. Именно благодаря своей невѣрной и соблазненной природѣ, лжемистическая отвлеченность въ концѣ концовъ уживалась и мирилась, съ все больше расцвѣтающими идеями позитивнаго, механическаго коллективизма и социализма. Можетъ быть даже вслѣдствіе ея мистической слабости и неподлинности идеи социализма такъ укрѣпились и развились за послѣднія десятилѣтія, до предѣловъ религіи. «Безсознательная» масса, стоящая крѣпко въ своемъ врожденномъ чувствѣ реальности, слушаетъ того, кто стоитъ на ея же основѣ. Отвлеченная культура на ней не стояла, ибо висѣла въ воздухѣ и потому лишилась авторитета, который перешелъ къ тѣмъ, кто все-таки сумѣлъ призракъ фанатизма — выдать за реальный устой.

Заболѣла земля. Послѣ долгаго болѣзненнаго процесса выпариванія нездоровымъ огнемъ ложно-

абстрактныхъ идей, живой воды изъ тѣла земли — осталась одна соль. Но эта соль земли была горька и не мудра. Вода — стала паромъ; земля — солью. Соль томить жаждой; къ тому же она разъѣдаетъ раны, а ихъ такъ много на дряхломъ тѣлѣ земли. Вода высоко парила надъ землею; то въ лазурныхъ облакахъ, то въ тучахъ, пока тѣло земли изнывало отъ зноя и боли. Вода оказалась на самомъ верху и на самомъ низу, въ толщѣ, въ тайникахъ земли и народа. Но и эти родники перестали бить, замкнулись, не получая верхней влаги. Образовавшаяся черствая кора земли нарушила таинственный обмѣнъ живой влаги — источниковъ земляныхъ и источниковъ небесныхъ...

Лишь послѣ всесвѣтнаго потрясенія, послѣ того какъ небесная молнія въ грохотѣ разодрала выскія тучи — началъ падать дождь. Пока — только капли. Земля такъ раскалена, что капли эти сжигаются и впитываются мгновенно. Ихъ цѣлительность еле ощутима. Но если падаютъ капли — можно ожидать и обильнаго ливня...

Только въ сведеніи мистики и реализма въ одно органическое цѣлое, только въ реальной религиозной культурѣ т. е. въ мистическомъ оживленіи многообразія жизненнаго опыта и въ реконкретизаціи отвлеченной мистики — спасеніе и выходъ изъ тупика и бездны современнаго, въ ключья разодраннаго, разобщеннаго въ своихъ отдѣльныхъ частяхъ и заблудшагося, культурно-духовнаго сознанія.

Послѣ страшной полночи недавняго прошлаго, когда, погасивъ въ душѣ всѣ звѣзды и факелы, люди бились въ страхъ и мракъ, въ нечеловѣческой схваткѣ народовъ, наступаетъ ли разсвѣтъ или же ночь станетъ смертью?

Можетъ быть это галлюцинація, привидѣніе, но кажется, что разсвѣтъ настанетъ, уже растилаетъ свои свѣтлыя крылья на черномъ куполѣ недавно пустаго неба.

Гдѣ его отблескъ? Во всемъ; еле-еле, но онъ свѣтится всюду. Какъ на разсвѣтѣ, всѣ формы и очертанія одновременно начинаютъ проступать, сначала мутно, тускло и невнятно, и позже стройно бѣлѣя, разгораются и, наконецъ, послѣ мучительной дрожи и предразсвѣтнаго холода — уточняются и становятся самими собою — все занялось сразу, кругомъ — пока еще бѣлымъ сіяніемъ близкаго утра. Свѣтлѣе то, что ближе къ солнцу.

Именно въ искусствѣ это возрожденіе вдохновеннаго реализма пока всего сильнѣе и безотчетнѣе, можетъ быть, сказывается, и это понятно почему. Искусство, какъ проявленіе человѣческой воли реальнаго, видимаго и осязаемаго выявленія и творческаго утвержденія, первымъ отразило это стремленіе духа вернуться на землю.

Говоря объ искусствѣ — приходится касаться этого вопроса во всей его широтѣ, т. е. необходимо имѣть въ виду столько-же русское искусство, сколько и обще-европейское. Ихъ устремленія и основы — тождественны. Послѣдній идеологическій сдвигъ въ сторону творческой реконкретиза-

ціи — безусловно уравниль разнородныя теченія искусства и выпрямилъ линію общаго движенія и развитія.

Однако мало — намѣтить и провозгласить новые пути — ихъ нужно осуществить и оправдать и въ этомъ отношеніи силы Европы и Евразіи — не равнозначны. Въ то время, какъ европейское искусство, выдвинувъ новую идеологию, вслѣдствіе общекультурныхъ условій не въ состояніи вынести ее въ жизнь, сдѣлать органически-общей, — Россія, — послѣ революціоннаго надлома, когда въ среду культуры влились свѣжія, неизношенныя силы, — получила глубокую почву для развитія и выращиванія новыхъ идеаловъ и методовъ художественнаго творчества. Поэтому, всѣ сужденія о современныхъ устояхъ искусства вообще — приобрѣтають особую значительность примѣнительно къ искусству Россіи, которому суждено, можетъ быть превратить зачатки новой художественной культуры — въ цѣлую и самодовлѣющую культурную эпоху. Эпоха эта прежде всего должна будетъ раздвинуть упадочныя грани и рамки творческаго индивидуализма; она вновь раскинетъ и раскроетъ давно забытые просторы массоваго народнаго творчества, подчиняясь въ этомъ общему, духовно-культурному сдвигу и перерожденію.

Нельзя въ исканіяхъ современнаго искусства, въ тѣхъ истинахъ, которыя оно теперь исповѣдуетъ, видѣть лишь очередную смѣну эстетической преемственности, имѣющую значеніе лишь въ своей замкнутой сферѣ. Тѣ проблемы, которыя ставитъ себѣ теперь искусство, его завоеванія и продвиженія,

выходять широко за предѣлы его области и являются первыми достиженіями въ опытѣ новаго пониманія міра.

Необходимо отмѣтить, что современное художественное творчество безвозвратно отмѣнило критерій «чистой» эстетики. Удачно, качественно хорошо не то, что въ данной условности максимально красиво и декоративно, а то, что можетъ быть оправдано въ смыслѣ наибольшей выразительности и въ смыслѣ соответствія основнымъ внутреннимъ законамъ построенія, преодоленія времени, пространства и матеріала. Не о возрожденіи прежней схоластики идетъ рѣчь, а о вольной и въ то же время строгой, постоянно разрѣшаемой въ процессѣ творчества, проблемѣ формы. Художественное творчество цѣликомъ подчиняется всѣмъ законамъ механики міровыхъ процессовъ и вѣдряется, вбирается этимъ самымъ въ само существо органической жизни.*)

Господствующимъ методомъ, современное искусство признаетъ методъ конструктивный, композиціонный.

Матеріалъ преодолевается и распредѣляется — въ себѣ замкнутой и исчерпывающей формѣ. Только нарождающееся вновь конкретное узрѣніе міра,

*) Спекулятивныя и эмпиристическія обоснованія и методы эстетики — вѣдь до сихъ поръ не припрены. Современная феноменологическая и нормативная эстетика не можетъ обойтись безъ методовъ эмпирической психологіи. Проблема эстетическая какъ бы въ большей своей части переносится, вбирается въ проблему творчества, которая ищетъ обоснованія своимъ законамъ въ индивидуальномъ опытѣ.

смогло вернуть искусство къ этому творческому принципу и закону.

Вдохновенная воля — одна способна подчинить себѣ матеріаль и выстроить его въ формахъ максимальной и совершенной выразительности и значимости, но только тогда, когда она отрѣшена и свободна отъ абстрактнаго, рефлекторнаго, или познавательно-условнаго подхода къ феноменамъ жизни. Истинная и максимальная выразительность творчества никогда не можетъ выявляться приемами натурализма, ибо выразительность жизни — всегда въ напряженіи динамической устремленности ея проявленій и явленій, а натурализмъ — лишь мертвая статика и копія. Подлинно реалистической можетъ быть названа лишь та творческая форма, которая можетъ удержатъ и зафиксировать эти постоянно текуція и мѣняющіеся изгибы живой выразительности.

Современный реалистическій тоносъ искусства находится въ состояніи непрестанной реакціи на раздраженія и впечатлѣнія жизни. Интенсивное воспріятіе міра всегда непрестанное. Лишь слабое чувство жизни возбуждается, воодушевляется порывами. Поэтому творческой поводъ въ современномъ искусствѣ оказывается вездѣ и всегда.

Все рѣшительно включается въ сферу познаванія и преобразования искусства. Важно не что воспринимается, а какъ. Прежде все-таки былъ лишь извѣстный разрядъ понятій, образовъ и эмоцій, которые казались достойными художественнаго казанія и украшенія. Теперь этого нѣтъ, ибо искусство,

какъ познающая и утверждающая функція чело-вѣческаго духа — живетъ вездѣ и касается всего.

Въ связи съ интенсивностью переживанія находится и стремленіе свести воедино, въ опредѣленную познавательную форму максимумъ психического напряженія и выразительности. Всѣ теоріи разложенія современности и представляютъ собою попытки свести въ единую выразительную форму, воспринимающуюся одновременно, всю разнородность составныхъ элементовъ и ассоціацій сложныхъ впечатлѣній, или внутреннихъ представлений, приводя такимъ образомъ — разное — къ единому.

Современныя исканія въ области словотворчества — также основываются на раскрытіи внутренней выразительности въ звуковыхъ сочетаніяхъ, въ нахожденіи временно-артикулятивнаго ритма, который бы соотвѣтствовалъ ритму психическому, въ исканіи совпаденій и взаимоотношеній — протяженности звуковой и сознательно-логической.

Музыка — раскрѣпощается изъ прежнихъ стѣ-сненій гармонической, метрической и архитектурической схематики, стремясь выйти на путь свободнаго ладоваго гармоническаго и ритмическаго сложенія, утверждая себя въ паеосѣ ритма, въ вольно-творимой формѣ.

Все это попытки связать возможно тѣнѣе ма-теріаль творчества съ побуждающей творческой энергіей.

Въ противоположность заключившейся эпохѣ дематериализованнаго искусства, описательнаго изображенія и сюжетной выразительности — совре-

менное искусство является искусствомъ организованаго, устроеннаго матеріала. Степень организованности и преодоленія матеріала и создаетъ художественную выразительность творческаго образа.

Матеріаль пересталъ быть средствомъ выявленія творческихъ процессовъ, а слился съ ними въ единую творческую форму. Художественная интуиція, или эстетическій законъ, которые въ современномъ искусствѣ, какъ и во времена расцвѣта, организуютъ матеріаль въ стройныя конструкции и построения, суть лишь виды и проявленія единой религиозной воли, которой обуславливаются всѣ истинныя творческія устремленія человѣческаго духа, и которая направляетъ эти устремленія къ единой, синтезирующей, религиозной формѣ мировоззрѣнія и культуры.

Теперь, съ новой силой, послѣ долгаго унадка и разложенія, человѣчество, въ новомъ откровеніи, пытается вновь обрѣсти свои удивительныя силы увидѣть міръ въ непосредственной ясности и строить единыя, общія, живыя и конкретныя формы его пониманія. Развѣ не явственно притупляется въ творчествѣ современности — авторское, индивидуальное начало, столь обострившееся къ концу истекшаго столѣтія? Не выявленія и закрѣпленія личныхъ переживаній и толкованій требуетъ наша эпоха, а исканія общихъ пріемовъ, организующей творческой формы, общаго психическаго отвѣта на явленія жизни.

Въ религиозномъ творчествѣ — сущность вдохновенія и форма сливаются воедино. Форма

становится какъ бы самимъ естественномъ духовнаго горѣнія. Современное искусство — вобрало форму въ глубину самихъ творческихъ процессовъ, сдѣлало форму живымъ и органическимъ составомъ всего творческаго преодоленія и этимъ поставило себя въ возможность подойти къ рѣшенію сложнѣйшихъ духовно-конкретныхъ запросовъ и заданій.

Такое пріятіе формы — вытекаетъ, между прочимъ изъ стремленія вернуться къ реальному, «народному», непосредственному единству, къ цѣлостному воспріятію міра, къ пониманію явленій жизни, въ недѣлимости ихъ феноменнаго начала — знаменуетъ стремленіе отрѣшиться отъ дифференцированнаго и всеобособляющаго отношенія къ жизни позитивнаго натурализма.

Искусство изъ высотъ отвлеченности и символизма сошло на землю въ образы и формы конкретнаго бытія. Въ то-же время интенсивность воспріятія этихъ образовъ стала максимальной. Нельзя непосредственно произносить извѣстныя слова, касаться иныхъ образовъ, жить въ опредѣленныхъ вдохновеніяхъ, воспринимать дѣйствительность въ максимальномъ масштабѣ и размѣрахъ. Эта степень познанія, эта скала напряженія жизни — уже въ себѣ содержитъ возбужденіе порядка религиознаго. Пускай теперь, больше чѣмъ раньше, слышатся слова примитивнаго кощунства и надругательства надъ откровеніями религіи. Это ничего не значитъ. Во всякомъ случаѣ это свидѣтельствуетъ о томъ, что внутреннее безпокойство и волненіе

духа таково, что оно въ упоръ стало передъ лицомъ
наивысшаго строя человѣческихъ представленій и
вдохновеній. Тотъ разрядъ звуковъ, красокъ и
словъ, который господствуетъ сейчасъ—единственно
способенъ поднять, возвысить человѣческой духъ
до степени прежняго хваленія и озаренія.

Принимая всѣ ресурсы техники бывшихъ худо-
жественныхъ эпохъ и школъ (ибо въ искусствѣ
формы — техника, мастерство, приобретаютъ иск-
лчительное значеніе), психологическія касанія и
совпаденія современнаго искусства — съ прош-
лымъ, происходятъ высоко поверхъ промежуточ-
ныхъ периодовъ спада и упадка, въ точкахъ наи-
высшихъ подъёмовъ безконечной, волнообразной
линіи устремленія человѣческаго творчества — и
это въ высшей степени показательно. Искусство вы-
билось изъ тупика и обрѣло свои прежнія, заклинательныя силы временъ расцвѣта. Дѣло общей
культуры его въ этомъ утвердить и направить къ
единой цѣли. Правда, и въ другихъ сферахъ соз-
нанія — безпокойство, сгѣшная переоцѣнка ста-
раго, постановка основныхъ, кардинальныхъ во-
просовъ, и проблемъ. Современная философская
мысль, стремящаяся утвердить реальную интуицію,
сдѣлать познаніе непосредственно опытнымъ ощу-
щеніемъ и пріятіемъ міра, слить воедино познаю-
щаго субъекта и данность объекта — обернулась
въ ту-же сторону, въ сторону реально-мистическаго,
религіознаго познанія міра, но этого мало. Это
лишь вѣщныя знаки, первыя свершенія мучитель-
ныхъ предчувствій, первыя капли живой воды.
Нужно, чтобы вся культура, — и это будетъ —

стала однимъ вдохновеніемъ въ созданіи и твор-
чествѣ новаго міровоззрѣнія, новой эпохи жизни...

Европейское сознаніе, въ нѣкоторыхъ своихъ
проявленіяхъ, бессознательно, чутьемъ — намѣтило
основныя контуры будущей культурной эпохи, но
дѣйствительно утвердить ихъ, водвинуть въ жизнь,
строить на нихъ живое и сильное — оно уже не въ
состояніи. Это историческій удѣлъ новаго міра,
новыхъ культурныхъ силъ, ненадорвавшихся въ
слѣпномъ процессѣ утвержденія Европейской геге-
моніи духа.

Религія можетъ восприниматься, какъ идея,
какъ мораль и этика; можно касаться ея эмоціо-
нально, эстетически. Всѣ эти пріятія религіи — ха-
рактерны для эпохъ упадочныхъ и малосильныхъ.
Это скорѣе толкованіе, а не исповѣ-
даніе.

Вдохновеніе и крѣпость — заключены въ чувствѣ
религіи, какъ формы. Религія, Откровеніе —
какъ всеразрѣшающая, мистически-реальная форма.

Религія — раскрываетъ и утверждаетъ свою
тайну въ реальной формѣ. Допуская любую по
степени вдохновенность, любой наѣостъ и напряже-
ніе духа — она, вмѣстѣ съ тѣмъ, требуетъ равно-
вѣсія въ невыблемости догмата и канона. Нужно
изнутри быть воажненнымъ, «нести огонь въ себѣ»
чтобы, оставаясь въ этихъ границахъ, — не зам-
кнуться въ нихъ, а творчески ихъ оживлять и раз-
вивать.

Это исполненное пониманіе религіи — удѣлъ лишь великихъ и огненныхъ эпохъ. Эмоціональность, морализмъ, эстетизмъ, словомъ всё мелкочастичныя и суррогатныя ощущенія религіи — тонуть въ этомъ одномъ выпрямляющемъ и схватывающемъ во все воедино — исповѣдываніи строгихъ, но безконечно емкихъ и истинно-реальныхъ формъ религіознаго Откровенія. Поэтому великія религіозныя эпохи и религіозныя вдохновенія — безличны, ибо всёми, хотя-бы и по разному возносятся и утверждается единый Ликъ Бого-сознанія.

Каждый — заражается — всёми. Можетъ быть вдохновеннѣйшіе творческіе образцы религіознаго искусства именно тѣ, которые не запечатлѣны опредѣленнымъ авторствомъ; тѣ безымянные памятники, которые явлены и сотворены невѣдомо кѣмъ — общимъ взрывомъ массоваго вдохновенія, какъ завѣдомыя и всеобщія истины, неподдающіяся какому-либо касанію или измѣненію отдѣльныхъ суетно-случайныхъ человѣческихъ сознаній.

Когда Богосознаніе начинаетъ терять строгій строй и черты нерукотворнаго Лица и становится идеей, абстрактной идеологіей — разсыпаются и монументальныя формы культа и нарождается порочный и мучительный анализъ индивидуализма, уродливыя и самонадѣянныя толкованія и реформациі.

Можетъ быть неправильно называть религіозное вдохновеніе и творчество — безличными, но ихъ нельзя называть и коллективистическими. Религіозное творчество — это вдохновеніе соборной

личности. Только въ обращеніи къ конкретному Лику религіознаго Откровенія — человѣчество можетъ достигать этой единой гигантской формы исповѣданія жизни и творчества.

Современная идеологія позитивнаго коллективизма потому не способна соединить людей въ единую религіозную форму, (а дерзаніе — на лицо и оно неизбежно!), что она стоитъ не передъ конкретнымъ раскрытіемъ вѣры, а передъ абстрактной идеологіей и передъ пустыми человѣческими лозунгами.

Личность каждого теряетъ способность разрастаться до размѣровъ соборной личности, или же сливаться съ нею, а неминуемо дробится и мельчится въ суетѣ и исканіи, тщетно стремясь найти единую религіозно-идеологическую форму. Коллективистическій идеализмъ идетъ наперекоръ врожденному тяготѣнію человѣческаго духа — къ синтезу, не даетъ возможности сочетать, сводить различное — въ единое, оставляя, несмотря на общность идеала — каждого лишь съ самимъ собой.

Если религія, воздвигая единую форму соборной личности — этимъ самымъ, какъ бы сплавляетъ личное начало въ нѣкій коллективъ, въ нѣкій комплексъ, то, наоборотъ — коллективизмъ, стремясь нивелировать личность, въ концѣ концовъ приходитъ къ массовому индивидуализму.

Но религіозный коллективъ, въ силу признанія свободной воли и самоотвѣтственности, оставляетъ форму личности нетронутой и сохранной, тогда какъ въ коллективизмѣ — индивидуальность —

порабощена основной идеологической волѣ и передъ ней отвѣтственна. Откровеніе провозглашаетъ «да будетъ воля Твоя» — доктрина прямо утверждаетъ волю многихъ. Въ одномъ случаѣ — человекъ только проситъ подчиненія Богу, въ другомъ — человекъ завѣдомо отданъ волѣ человека. А рабство равнаго равному — самый страшный видъ рабства, ибо остающееся сознание личности — упирается въ сознание невозможности ея роста и слиянія съ другими, къ несчастью ей подобными.

Какъ будто, когда нарушается законъ притяженія меньшаго къ большому равныя величины начинаютъ другъ отъ друга взаимно отталкиваться. И это послѣдствіе — предопредѣленно и неизбежно.

Революція длится. И до тѣхъ поръ, пока въ Россіи наличествуетъ социальное-политическое владѣніе большевизма — Россію нужно считать въ состояніи революціи, какъ бы долго это ни продолжалось. Насколько первый періодъ революціи (февраль-октябрь) — интеллигентскій — «демократическій», изжилъ себя концептивно быстро, ибо лозунги его и активно общественный слой, проводящій ихъ оказались ненужнымъ анахронизмомъ, на столько революція мучительно задерживается въ своей народно-стихийной (культурной!) стадіи.

Время революціонныхъ процессовъ оказалось прямо пропорціональнымъ толщинѣ пластовъ,

которые они должны были прожечь. Революція тонкаго, верхняго слоя — закончилась быстро, ибо онъ прогорѣлъ, какъ тонкій листъ бумаги. Земля и огонь — въ глубинѣ еще борются...

Съ точки зрѣнія государственно-бытовой — эта задержка несетъ въ себѣ гибель и разрушеніе многому, но — кто знаетъ — можетъ быть благодаря этому страшному прикрытію годовъ большевизма — и создается, и подгоняется то глубинно-новое, которое должно рано или поздно, взойдя на поверхность, оправдать русскую революцію, какъ великую революцію культуры.

Время — это смѣна поколѣній.

А вопросъ надлома эпохи, смѣны одной культуры другой — есть вопросъ поколѣній. Трещина, которая отдѣляетъ одно поколѣніе отъ другого — извилиста и неровна, подобно тому, какъ въ засуху земля раскалывается и пересѣкается цѣлою сѣтью узкихъ щелей. Въ одномъ случаѣ она забѣгаетъ далеко впередъ, въ самыя юныя поколѣнія — въ другомъ охватываетъ глубоко назадъ. Важно только установить, что эта трещина уже сѣчетъ людей, раздѣляя ихъ на двѣ стороны, что она уже, подобно звѣистой молніи пробѣгаетъ и выкраиваетъ прихотливую границу между старымъ и новымъ. Кромѣ смѣны поколѣній, эпоха мѣняетъ и составъ людей, и чѣмъ этотъ составъ дѣйствующихъ на поверхности и руководящихъ людей мѣняется основательнѣе, тѣмъ интенсивность послѣдующей культурной полосы — ярче и опредѣленнѣе. Не безъ основанія думается, что въ грядущей, новой формѣ

культуры. Россія будетъ играть первенствующее значеніе. Нигдѣ, какъ въ Россіи не произошла такая радикальная смѣна человѣческихъ слоевъ. Въслѣдствіе революціи — глубинные пласты подняты къ свѣту, а всѣ прежніе, поверхностные и вытѣрившіеся, засыпаны вглубь. Естественно, что откровеніе новыхъ силъ пріятія міра, которое дано и раскрыто человѣчеству въ наши времена — всего вдохновениѣ, съ наибольшимъ запасомъ нерастроченной мощи — воспримется и понесется, самими новыми, самыми крѣпкими поколѣніями будущей Россіи.

То, что эти поколѣнія крѣпкія и что они уже сложились на поверхности въ дѣятельно-волевой составъ — свидѣтельствуетъ большевизмъ и безплодныя попытки уставшихъ, отторѣвшихъ «бѣлыхъ» поколѣній — бороться съ нимъ. Большевизмъ держится именно тѣмъ, что тотъ насосъ, который вытягиваетъ на поверхность активно-государственной культуры, изъ народной толщи — необходимыя силы и энергію, и который за послѣднюю эпоху держался на поверхностныхъ высосанныхъ слояхъ — опущенъ большевиками, сознательно или безсознательно — гораздо глубже, въ полнокровныя нѣдра тучной земли. И, можетъ быть невольно, и безъ сознательнаго желанія поддержать и помочь, притокъ этихъ силъ — настолько жизнесиленъ, что легко и щедро питаетъ тотъ государственный организмъ, который его втянулъ въ жизнь и обнаружилъ.

Самое страшное и непобѣдимое въ борьбѣ съ большевизмомъ это то, что врага, какъ опредѣ-

ленного лица, какъ опредѣленнаго содержанія — нѣтъ.

Поднимаемая мечъ противъ коммунизма — невольно поднимается рука на крѣпко сомкнутыя и мощныя поколѣнія новой Россіи о которыя разбираются всѣ попытки преодоленія. Неспроста постоянно говорится о томъ, что большевики мѣняются. Поднятая со дна, по ожившимъ артеріямъ, буиная кровь смѣшивается и вбираетъ въ себя и обезвреживаетъ тѣ яды, которые искусственно въ нее вводятся; подрастаетъ многосильная поросль на мѣстѣ срубленнаго лѣса, которая со временемъ заглушитъ рѣдкіе, оставленные сѣменники коммунизма, которые вмѣстѣ со срубленными деревьями составляли одинъ темный лѣсъ, гдѣ долгое время люди блуждали и теряли тропы и дороги...

И, пожалуй, только подъ сѣнью большевизма эта поросль и смогла развиваться. Послѣ того, какъ большевистская революція затопила собою всю русскую землю, на ней, вмѣстѣ съ иломъ и мутью отложились новые плодоносные слои. Это страшно, но это такъ...

И мечемъ, и политикой Россію не освободить. Она побѣдитъ свой плѣнь и, можетъ быть плѣнь всего міра, внутреннимъ ростомъ и вдохновеніемъ своихъ культурныхъ силъ.

Переломъ эпохи произошелъ. Вмѣстѣ съ кризисомъ Западно-Европейской культуры, систематической и абстрактной — встаетъ, какъ реальная необходимость — проблема новаго осознанія существа в сѣк о й культуры; становится необходимымъ раскрѣпить человѣчество отъ культурной гегемоніи

Европы; раскрывается новая эпоха признанія равенства всѣхъ культурныхъ формъ.

Въ то время, какъ Востокъ еще находить силы сохранять самобытность и независимость даже бывшихъ и отторѣвшихъ своихъ культуръ — Европа находится цѣликомъ и неколебимо подъ властью единого, нивелирующаго сознания своей первенствующей культуры, не смотря на различія національностей, ибо типъ культурнаго идеала у всѣхъ европейцевъ — единообразенъ.

Вотъ въ эти то сроки великихъ катастрофъ, въ цѣлой части свѣта обнаружилась новая порода людей, выдвинулся изъ темнаго спуда новый чело-вѣческой пласъ, открыто всталъ новый строй пониманія міра.

Духовная стихія Россіи удержалась отъ организованной церковной реформаціи, ибо реформа Православія, все-таки шла отъ Лица Господствующей Церкви, а противляющіяся и борствующія силы опирались на еще болѣе незыблемый и конкретный опору ученія и благочестія (старообрядчество); — она удержалась въ реальныхъ формахъ Православнаго Откровенія, въ противовѣсъ Западному Католицизму, который единымъ догматомъ Намѣстничества, утвердилъ, вмѣсто религіознаго реализма, — символизмъ культуры и власти. Принявъ византійское Православіе, въ которомъ съ небывалой мощью и синтетичностью сплавлены разнородные элементы греко-азійскаго религіознаго сознания — Россія вынесла изъ перво-

истоковъ совершеннѣйшую форму Христіанской Церкви, совершенную форму мистическаго реализма и утвердила его въ своихъ судьбахъ великаго народа.

Наконецъ, Россія, коснувшись Западно-Европейской культуры только поверхностными слоями — толщей своей не вобрала въ себя того абстрактнаго идеализма и безформеннаго индивидуализма, которые отъ гуманизма привели къ духовному распаду Запада. Это не народничество и не богоносничество, а вѣра въ стихію Россіи, вѣра въ то, что теперь она свободна и творчески вдохновлена.

Стихія эта — именно всегда сплавила воедино чудесное и простое, мистическое и реальное. Ея религія, эпошь, чувство бытія и быта, темпераментъ и душа — искони опредѣлялись свойствомъ видимо, оцутимо и конкретно принимать тайны откровенія и вѣры. Не въ бѣгствѣ отъ жизни, не отворачиваясь, не отлетая отъ нея, находить эта стихія свою истину, а въ опытѣ и формѣ жизни, въ ея повседневныхъ сбываніяхъ, въ «земномъ и перстномъ», въ святомъ реализмѣ — ибо единая Воля — да будетъ — на небѣ и на землѣ и словами объ этой Волѣ связаны въ молитвѣ прошенія о Царствіи неба и о хлѣбѣ земномъ.

Древо-Познанія, которое отравило Адама и всѣ поколѣнія и роды его — побѣждено древомъ Крестнымъ. Этой побѣдой восстановлена на вѣки возможность первичнаго пониманія и касанія міра. Чтобы спасти, изъ земли сотвореннаго челоуѣка, — Богъ былъ погребенъ въ землѣ. Въ

Сочествіи, Воплощенія и Страстяхъ наново и навѣки утверждень, въ реальной формѣ, завѣтъ непосредственно конкретнаго Причащенія человѣка къ Богу. Христосъ вывелъ изъ тьмы ада Адама, но змій, который «хитрѣй человѣка, и хитрѣй всѣхъ птицъ и звѣрей», — продолжаетъ и будетъ продолжать свой шопотъ соблазна; но послѣ соществія огненныхъ языковъ — пребываетъ въ мірѣ тотъ Духъ, который его побѣждаетъ и уже побѣдилъ. Были и еще настанутъ времена свободы отъ плѣна искусительнаго «познанія» жизни. Человѣчество не разъ побѣждало исконный свой соблазнъ. И наша эпоха — это новая страшная схватка борьбы съ этимъ соблазномъ. Нужно только, — въ такіе дни избранія — слухомъ слушать и разумѣть, смотрѣть и видѣть; твердо стоять и устоять на вѣрномъ устоѣ, на твердомъ камнѣ первоначальнаго Откровенія, въ которомъ познаніе и вѣра сплавлены въ единое, непосредственное, вдохновенное постиганіе тайны міра, неисчерпаемое въ разнообразіи единой своей правды. То, къ чему должна будетъ придти духовная культура всего человечества, есть основная данность, основное существо и ядро русскаго прозрѣнія и искуса жизни.

Не засвѣтитъ ли русскій духовный ликъ, до сихъ поръ темный и потаенный, въ преображеніи своемъ, яснымъ нимбомъ, среди черной, плотно сомкнувшейся и буревой ночи нашихъ дней? Нѣтъ ли пророческаго въ толкованіи чуда Преображенія въ русскомъ религиозно-бытовомъ обрядѣ, который освящаетъ въ день Преображенія — самое земное — плоды и хлѣбъ, какъ утвержденья самого

существа этого Откровенія? Пусть оно означаетъ отреченіе отъ трехъ земныхъ кущъ во имя обители неба, но въ то-же время оно есть знаменіе, что можетъ просіяты на землѣ — земной образъ человѣческой, что можетъ плоть зардѣться въ бѣломъ огнѣ Духа...

Будетъ ли Россія государственнымъ организмомъ, или же станетъ колонизованными пространствами — она, безразлично, подниметь и вскормитъ для всѣхъ изнемогшихъ и потерявшихся — новую культуру. И за помощью къ ней, рано или поздно, потянутся всѣ тѣ, кто пребываетъ теперь въ пустой гордынѣ и слѣпомъ бездушіи. Истинная побѣда теперь за тѣми, кто, обличивъ ветхое прошлое, раздвинетъ ужасный тупикъ человечества и раскроетъ новые пути духовнаго бытія и укрѣпитъ свою вѣру на твердомъ камнѣ. Этою крѣпостью, и только ею можно одолѣть соблазняющаго врага-оборотня, который съѣтъ смерть въ образѣ жизни, противоположное — въ образѣ похожаго.

«Вдругъ уничтожились всѣ середины, нѣтъ на землѣ никакихъ срединъ» — вотъ кличъ современнаго пониманія жизни и не даромъ его крикнулъ изъ Россіи «футуристъ» Маяковский. Слѣпые и безумные тѣ, которые этого не видятъ и еще пытаются срединными мѣрами засыпать пропасть, заживить то, что расторглось до основанія.

Замкнулась, отмерла одна эпоха — нарождается другая. Бездна между прошлымъ и настоящимъ взрылась — и это нужно признать и нужно начать

строить на другой сторонѣ, на новомъ берегу съ вдохновеніемъ и вѣрой иную культуру, не пытаюсь что-либо поднимать изъ обломковъ и пепла..

Отвѣтственно и страшно опредѣлять и уточнять тѣ предчувствія, въ которыхъ находится современность, но чудится порою, что эта культура зарождается, что происходитъ настройка духовной личности въ ладъ единому, религиозному строю, что отдѣльныя области человѣческаго творчества — готовятъ, вырабатываютъ для себя техническія возможности отзываться въ общей формѣ согласнаго міровоззрѣнія, что открываются тѣ пути духовнаго восхожденія, которые должны привести въ единое, твердое вмѣстилище духа — въ Церковь, что въ будущемъ — лады единичныхъ духовныхъ сознаний не будутъ диссонировать, интерферрировать съ исконной формой слитнаго религиознаго утвержденія (безмѣрно оскудѣвшаго за послѣдніе вѣка Церковнаго окаменѣнія), но, наоборотъ, сочетаясь съ нею гармонически — вновь оживятъ, обогатятъ ее своими обертонными привнесениями.

Короче говоря, въ будущемъ немислимъ типъ генія — индивидуалиста, раскольника, отщепенца и «еретика». Все подлинно-творческое будетъ укрѣплять, будить, развивать единую и общую форму вѣры. Всякая творческая воля, на какой бы крайности индивидуализма она ни стояла, помимо личнаго устремленія, окажется въ этой формѣ, съ нею сольется, ибо все будетъ подхвачено въ Единой Рукѣ. Безъ коллективнаго сознания — человѣчество долѣ пребывать не можетъ, понимая подъ коллективизмомъ не механическое уравненіе множества, а

сочетаніе свободной множественности въ живую, бесконечно-емкую и вмѣщающую, религиозную форму бытія.

Утвердись въ этой объединяющей формѣ — каждый перестанетъ строить свою вавилонскую башню, дерзновенно вздымающую острие въ пустое небо, бессильно возносящую въ высь — свое земное, личное, а все совокупно, начнутъ возводить купольный храмъ, который бы крылил надъ землею и своимъ живымъ и горящимъ сводомъ накрывалъ бы землю, и приближалъ бы небо къ землѣ, дѣлая твердь небесную — твердыней земли и пусть «Россия, смерчемъ скрученная въ столбъ» — будетъ однимъ изъ столповъ утвержденія и устоя этого свода.

Софія — Берлинь, осень. 1921 г.

П. Сувчинскій